

НОВИНКА ХЕНЦЕ ИГНОРИРУЕТ ПРЕДСКАЗЫВАЮЩИХ ОПЕРЕ ПОГИБЕЛЬ

При появлении в Ковент Гардене новой постановки «Бульвара одиночества» Ханса Вернера Хенце различные комментаторы докладывали — обливаясь крокодиловыми слезами, — что Королевская Опера столкнулась с обвалом в кассе, что билеты даже раздают знаменитостям в надежде обеспечить рекламу. На самом деле во вторник было мало свободных мест. Я не заметил в зале ни шика, ни роскоши, и Хенце получил возрастающее одобрение.

В подтексте этих сообщений было следующее: Королевская Опера изылась за современное немецкое произведение, пренебрегая тем, что широкая публика с ним не знакома. Это дедмагогическая цензура худшего сорта. Субсидируемый театр существует не только для того, чтобы поддерживать завлекательный репертуар, но чтобы защищать то, что чистого коммерчески неосуществимо. Хенце, величайшему из ныне живущих оперных композиторов, в июле будет 75 лет, и это обязано отметить.

Настоящая проблема в том, попал ли Ковент Гарден на хитрость в ценовой политике. Это стремительная опера о сексе и наркотиках, об изоляции молодых, об оборванных корнях горожан. Она точно скроена для сего-

дняшней городской молодежи, — но место в партере на «Бульвар одиночества» стоит 115 фунтов. Если бы Ковент Гарден предложил все не зарезервированные билеты по 15 фунтов, он мог бы привлечь нужную публику, но его финансы рухнули бы... Пока правительство считает оперу обременительной роскошью, Ковент Гарден будет в безвыходной ситуации.

Постановка Николауса Ленхоффа, оформленная Тобиасом Хохайзелем и продиржированная Бернхардом Конгарски, красиво смотрится. Труппа нас очаровала, и опера пересекла рампу без поломок и искажений. Все это даст нам ценное понимание того, чего Хенце придерживался, когда искал свое направление в немецком послевоенном культурном ландшафте.

«Бульвар одиночества» — автобиографический портрет, моментальная фотография одинокого молодого композитора, флиртующего, с одной стороны, с 12-тоновой техникой в своих изысканиях к изгоям, с другой стороны, в своей критике буржуазной жизни — с дискредитированными моделями прошлого. Помещая акцент в истории Манон на ее любовнике и делая Армана единственным «настоящим» героем, 25-летний Хенце показывал, насколько сильно он идентифицировал себя с

чувствами крушения и безнадежности. Но вместо того, чтобы рыдать на публике, он заковал свое разочарование в панцирь, изобразив его отстраненно — способом, который нарочито искусен и стилизован и который нельзя считать сентиментальным.

Возможно, поэтому обширные участки «Бульвара одиночества» кажутся искусственными. Мы слышим джазовые цитаты, музыку дансингов, питающие энергией повторяющиеся фрагменты классики и соблазняющее приглашение к внезапному вокальному лиризму, которому предстояло отмечать собой более поздние произведения Хенце: это очень не в моде в 1952 году. «Бульвар одиночества» задумывался как серьезная пародия. Это была критика общества в предвкушении экстравагантной левизны Хенце.

Опера начинается и заканчивается на железнодорожной станции. Ленхофф делает из этого метафору: колыбель пересекшихся судеб и обреченной любви, воссоединения и разлуки, неподвижную точку в меняющемся мире, последний пункт назначения жизни. Мраморные колонны, лестницы и фасады декораций Хохайзеля — скорее межвоенные итальянские, чем послевоенные французские — были тонко исполнены, и хорео-

графия Денли Сейерса покрывала их располагающими подробностями. Их единственный недостаток — они мало оставляют воображению: нитерлюдии начинают казаться повторами.

Чуткое, мрачное исполнение Пара Линдскога заставляет поверить, что Арман — один из редких в опере архетипов экзистенциализма, молодой человек, лучшая надежда которого в жизни — на «комфортабельный ад». Манион Александры фон дер Вег — скорее красивая вещь, чем роковая женщина, как то и должно быть: в отличие от других оперных Манон, антигероиня Хенце не существует как независимая личность. Сопрано, о котором много говорят, она стала роскошным украшением благодаря чудному голосу и интеллигентным сценическим манерам.

Вольфганг Раух был бесцельным Леско — его легко затмили два буржуазных ухажера Манон: смешной «паник» Крис Меррит и лощеный светский человек Грэм Броудбент. Конгарски подобающим образом провел спектакль, и Королевская Опера отстояла себя.

ЭНДРИО КЛАРК
FINANCIAL TIMES, 22 МАРТА 2001
Перевод АННЫ БУЛЫЧЕВОЙ